

УДК 930.(470)·193/197":94(470+571)·17/18"-058.237

К ТЕМЕ: «МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XVIII–XIX ВВ.» (В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30-Х – НАЧАЛА 70-Х ГГ. XX В.)

Сломинская Е. В.

ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», Тула, Россия (300012, г. Тула, пр. Ленина, 92), e-mail: slom0712007@rambler.ru; slominska@tula.net

В статье анализируется отечественная историография 30-х – начала 70-х гг. XX в. по вопросам материального положения и социального статуса научно-технической интеллигенции XVIII–XIX вв. (с учетом определенных исторических условий ее становления и развития). Рассматривается изучение таких аспектов как система оплаты труда, престиж технических специальностей в контексте тех преимуществ, которые предоставлялись выпускникам технических учебных заведений. Несмотря на то, что материальное положение и социальный статус научно-технической интеллигенции XVIII–XIX вв. в советской историографии достаточно хорошо освещены, тем не менее, господство определенных идеологических стандартов сказывалось на общей тональности выводов.

Ключевые слова: научно-техническая интеллигенция, историография, материальное положение.

TO THE TOPIC: ECONOMIC CONDITIONS AND SOCIAL STATUS OF TECHNICAL SCIENTIFIC INTELLIGENCE OF XVIII–XIX CENTURIES IN HOME HISTORIOGRAPHY OF 30- THE BEGINNING OF 70 YEARS OF XX CENTURY

Slominskaja E.V.

FSBEI HPE "Tula state university" Tula Russia 300012 Tula, Lenina St., 92, e-mail: slom0712007@rambler.ru; slominska@tula.net

Economic conditions and social status of technical scientific intelligence of XVIII–XIX centuries in home historiography of 30- the beginning of 70 years of XX century are analyzed in this article (subject to certain historical conditions of its formation and development). Some aspects of the topic as system of payment, prestige of technical profession and advantage to graduating student of technical educational institution are examined in the article. Although the material conditions and social status of the scientific and technical intelligentsia XVIII-XIX centuries in soviet historiography is well lit, however, the dominance of certain ideological standards affected the overall tone of the conclusions.

Kew words: technical scientific intelligence, historiography, economic conditions.

Вопросы материального положения, социального статуса, условий быта научно-технической интеллигенции в отечественной историографии являются *традиционно актуальными* и рассматриваются вкуче с вопросами сословного происхождения, профессиональной деятельности, образования.

К сожалению, *комплексного изыскания* по вопросам материального положения и социального статуса научно-технической интеллигенции XVIII–XIX вв. на сегодняшний день не представлено. Данная статья является *попыткой* осветить один из небольших сегментов заявленной темы, которая будет *продолжена* в последующих исследованиях.

Фрагментарно «материальный» сюжет присутствовал в исторических работах 1920–1930-х гг. представителей марксистско-ленинской школы. О неоднородности материального положения интеллигенции писал А. В. Луначарский. Он отмечал разницу социального положения и оплаты труда между низшим слоем интеллигенции, существование которой

приближено, по его мнению, к существованию люмпен-пролетариата, и директорами банков, фабрик, заводов, главных инженеров, врачей с богатой практикой, крупных ученых и т.д. [11; С. 19].

Определенный «намёк-интерес» представляют слова «вредителей», цитируемые Г. К. Орджоникидзе, в частности, Стрижева (с 1898 г. – управляющий дагестанскими предприятиями общества «Нобель», акционер общества «Нобель» и т.д.) о положении инженера в довоенное время, вышедшего из привилегированного учебного заведения, пишет как о члене «определенной замкнутой касты» [9; С. 232].

В 1950–1960-е гг. появляются работы, в которых авторы попытались отойти от отношения к дореволюционной интеллигенции как «орудию капиталистической эксплуатации, соучастникам капиталистических прибылей» [14; С. 44]. С. А. Федюкин, характеризуя дореволюционных специалистов, отмечает, что их подавляющая часть – это люди в возрасте свыше 30 лет, с мировоззрением, сложившимся, когда крепла и расцветала российская буржуазия, «успевшие до революции занять известное положение в промышленном мире» [14; С. 138]. Поэтому рассчитывать, что эта часть технической интеллигенции сумеет быстро «преодолеть долголетнее моральное влияние и материальное воздействие буржуазии» было нельзя.

На конкретно-историческом материале А. В. Ушаков рассматривает условия труда и жизни демократической интеллигенции. Автор не рассматривает научно-техническую интеллигенцию как особую социальную группу. Тем не менее, отдельные замечания, показывающие значительное материальное размежевание и правовое неравенство в этой среде, в работе присутствуют: «статистики, банковские служащие, служащие железных дорог и др. находились под постоянным подозрением в неблагонадежности... У большинства рядовых служащих заработная плата была крайне низкой. Широко были распространены штрафы. В разряде оштрафованных состояло 90 % всех железнодорожных служащих. Их рабочий день длился подчас 17–19 часов. В то же время высшие чиновники находились в исключительно привилегированном положении. Так, например, начальники железных дорог получали от 12 до 15 тыс. руб. в год» [13; 19].

Исследователи советского периода нередко высказывали точку зрения, что материальное положение научно-технической интеллигенции, в том числе преподавательского состава учебных заведений приравнивалось к положению государственных служащих. В частности, В. Р. Лейкина-Свирская отмечает, что «материальное положение технической интеллигенции в России конца XIX в., особенно людей высшей квалификации или обладавших большим стажем, соответствовало положению наиболее обеспеченных слоев свободных профессий или высокооплачиваемых

чиновников. В столицах такой специалист зарабатывал 175–350 руб. в месяц (2,1–4,2 тыс. руб. в год)» [8; С. 130–131].

Анализируя историко-биографическую литературу советского периода, можно сделать вывод, что вопросы материального положения не особо привлекали исследователей. В центре внимания находились вопросы образования, профессионального становления личности, т.е. тех факторов, которые позволяют раскрыть склонность к технике, инженерной, научной деятельности, самоотверженной работе на профессиональном поприще. Авторы значительное место уделяли изобретениям, открытиям и т.д. Материальное же положение ученых затрагивалось вскользь, небольшими сюжетными вкраплениями. Например, Л. Д. Белькинд отмечал, что «сравнительно небольшое, но налаженное хозяйство обеспечивало Яблочковых необходимыми средствами, и семья могла дать П. Н. (Павлу Николаевичу – прим. Е. С.) хорошее по тому времени образование» [3; С. 6]. Подобные небольшие замечания весьма типичны для исторической биографии советского периода.

Судить о материальном положении интеллигенции в работах этого плана можно лишь по косвенным сведениям, к числу которых относится сам род профессиональной деятельности и занимаемая должность. Например, И. П. Бардин ничего не пишет о материальном положении Д. К. Чернова, но уровень занимаемого положения – в 1884 г. главный инспектор по испытанию закаленного металла в Министерстве путей сообщения, член Морского ученого комитета при Военно-морском министерстве, с 1889 г. руководитель кафедры металлургии Петербургской артиллерийской академии [2; С. 8] – позволяет предположить не бедственное положение ученого-металлурга. К другим признакам, так сказать «между строк», можно отнести и такие сюжеты: «...выход в свет атласа, заслужившего общее признание, способствовал осуществлению давнишней мечты В. П. Горячкина о постройке машиноиспытательной станции, которая вскоре приобрела всемирную известность. Департамент земледелия отпустил средства на строительство небольшого помещения станции и на ее оборудование» [1; С. 58].

В то же время в мемуарной литературе авторы приводят конкретные цифры: М. А. Павлов пишет, что по окончании Горного института ему предложили работу инженера на Омутинских заводах с окладом 50 рублей в месяц и 100 рублей на проезд [10; С. 84]. Условия, предложенные А. М. Терпигореву по окончании того же Горного института, были иные и, как отмечает автор, для студента, привыкшего жить на одну стипендию, очень хорошие: 150 рублей в месяц, казенная квартира и выезд – лошадь с экипажем [12; С. 57]. В качестве иллюстрации допустимо привести сюжет, предложенный Н. Г. Гарин-Михайловским. Автор повествует о вчерашнем студенте, не обладающем крепкими

теоретическими знаниями даже на уровне выпускника технического вуза, не говоря о полном отсутствии практических знаний. Его первоначальное жалование составляло 35 рублей, но вскоре достигло размера 200–300 рублей в месяц [5; С. 276].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что материальное благополучие научно-технической интеллигенции было далеко неоднородным и зависело от многих аспектов: профессии, квалификации, занимаемой должности, престижа. Решающим фактором, определявшим престижность некоторых технических специальностей, была шкала преимуществ, используемая по отношению к выпускникам, окончившим технические вузы. При этом учитывалась успеваемость выпускников: окончивший курс Технологического института удовлетворительно получал звание технолога 2-го разряда и выходил из податного состояния, окончивший с успехом становился технологом 1-го разряда, личным почетным гражданином и получал право на соискание звания инженера-технолога по механике или химии. Значительные привилегии получали выпускники Московского технического училища [8; С. 116–117].

О менее значительных, но имеющих место быть привилегиях пишет в своих воспоминаниях М. А. Павлов: «Как стипендиат, я получил после окончания института некоторую сумму на экипировку» [10; С. 84].

Таким образом, стоит отметить два важных вывода, сделанных В. Р. Лейкиной-Свирской. Во-первых, «инженер из непривилегированной среды быстро завоевывал место в общественной иерархии» [8; С. 116]. Во-вторых, «инженеры были крайне нужны крупной индустрии, переходившей к монополистическому производству. Их было недостаточно, поэтому квалифицированное техническое руководство на больших предприятиях и на транспорте высоко оплачивалось, инженеры занимали высокое социальное положение» [8; 122–123].

Другим фактором, обеспечивающим престижность работы инженеров, в частности, в железнодорожном строительстве, были огромные доходы, приносимые концессионерам, и высокая оплата труда. Развитие частного железнодорожного хозяйства страны стало возможным во многом благодаря тому, что правительство оказывало широкую финансовую поддержку, гарантирующую доходы на акционерные и облигационные капиталы [7; С. 61].

Важным показателем в изучении материального положения является линейка расходов, подчас более точно отражающая материальный уровень семьи. Г. Н. Вульфсон считал, что прожиточный минимум (расходы на квартиру, отопление, освещение и питание) для семьи чиновника в середине XIX века составлял около 500 рублей [4; С. 117, 122].

Допустимо отметить, что в постсоветский период Л. А. Дашкевич и С. Я. Бугаева опираясь на собственное исследование, сделали вывод, что те статьи расходов, которые были

неизбежны при том образе жизни, который вели средние слои населения, а это не только расходы на квартиру и отопление, но и одежду, обувь, посещение театров, воспитание детей и т.д., составляли 1500 рублей, что сопоставимо с жалованием лишь главных начальствующих лиц. Л. А. Дашкевич и С. Я. Бугаева делают вывод, что прожить за счет зарплаты остальные служащие технического персонала не могли, тем не менее «источники не донесли до нас сведения о том, что горные инженеры дореформенного Урала испытывали особые материальные затруднения. Горная служба давала ряд дополнительных источников существования. Из казенных денег оплачивался найм квартиры для инженера. Дети служащих горного ведомства обучались бесплатно в ведомственных институтах – горном, лесном. Горные инженеры и офицеры корпуса лесничих имели денщиков из числа мастеровых, которые оплачивались казной» [6; С. 150].

Нисколько не умаляя достоинств, проведенных в советский период исследований, стоит отметить, что уйти от идеологических штампов авторам не удавалось. В ряде случаев облику интеллигенции искусственно придавались определенные, весьма «специфические» черты. Например, С. А. Федюкин считает, что в «академической среде насаждался дух кастовости, аполитичности, нейтралитета» [14; 104]. Утверждение В. Р. Лейкиной-Свирской о зависимости «труженика-интеллигента – зависимости материальной, бытовой, морально-политической – от окружавшей его среды буржуазных собственников» [8; С. 130] также является весьма традиционным для своего времени.

Таким образом, вопросы материального положения и социального статуса научно-технической интеллигенции в советской историографии, в определенной мере, освещены. Хронологические рамки «по предмету исследования», в целом, не выходят за пределы XVIII–XIX вв. Исследования разных авторов и мемуарные источники показали (по конкретному аспекту темы), что единых норм оплаты труда научно-технических специалистов в рассматриваемый период не существовало. Размеры жалования варьировались по губерниям, отраслям производства. В советской историографии рассмотрены вопросы темы, в частности, о способах экономического стимулирования, о предоставляемых льготах и преимуществах выпускникам технических учебных заведений.

Заявленная для исследования тема может представлять практический интерес для процессов современного экономического развития России, включая некие грани проблемы модернизации.

Список литературы

1. Артоболевский И. И., Сысоев Н. И. Основоположник земледельческой механики выдающийся советский ученый академик В. И. Горячкин // Труды по истории и техники. – М., 1953. – Вып. 1. – С. 53-65.
2. Бардин И. П. Великий русский ученый-металлург // Труды по истории и техники. – М., 1953. – Вып. 2. – С. 5-15.
3. Белькинд Л. Д. Павел Николаевич Яблочков (Краткий биографический очерк) // П. Н. Яблочков. К пятидесятилетию со дня смерти (1894–1944). – М.: Госэнергоиздат, 1944. – С. 5-22.
4. Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. – Казань: КГУ, 1974. – 352 с.
5. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. – М.: Московский рабочий, 1985. – 476 с.
6. Дашкевич Л. А., Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX в. / Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – Т. 2. – 204 с.
7. Журавлев В. В. Национализация частных железных дорог в СССР // Исторические записки. – М., 1970. – Т. 86. – С. 57-132.
8. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
9. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи: В 2 т. 1926-1937 гг. – М.: Политиздат, 1957. – 837 с.
10. Павлов М. А. Воспоминания металлурга. – М.: Наука, 1943. – 423 с.
11. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 годов / Отв. ред. В. Л. Соскин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. – 221 с.
12. Терпигорев А. М. Воспоминания горного инженера. – М.: АН СССР, 1956. – 272 с.
13. Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. – М.: Просвещение, 1985. – 159 с.
14. Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. – М.: Мысль, 1965. – 255 с.

Рецензенты:

Мартынова Е. П., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, г. Тула.

Бродовская Е. В., д.п.н., профессор кафедры СиП Тульского государственного университета, г. Тула.